

**Отзыв официального оппонента
доктора философских наук, доцента Худяковой Натальи Леонидовны
на диссертацию Даниловой Юлианы Николаевны
«Вина и стыд в культурах Запада, России и Востока»,
представленную к защите на соискание
ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия
культуры (философские науки)**

Актуальность темы исследования не вызывает сомнений, так как в проблемное поле философского познания автором диссертации включается эмоционально-ценностная сторона бытия человека, которая действует в качестве внутренней детерминанты его поведения и деятельности, наряду с рациональной. Диссертант справедливо отмечает, что в западно-европейской культуре вина и стыд как ценностные механизмы регулирования поведения людей в значительной степени разрушены, а ведь именно эта культура претендует на эталон для всех стран и народов.

Анализ содержания текста диссертационной работы показал, что и в первой и во второй главе основное внимание уделено описанию ценностных оснований вины и стыда, которые существовали в культурах Запада, России и Востока в разные исторические периоды их существования. Изучение этих оснований не было включено диссертантом в число основных задач исследования, тем не менее, в тексте диссертации они достаточно полно описаны и четко прослеживаются тенденции их изменений.

Вина и стыд являются внутренними регулятивами поведения человека, связанными с самоограничением, так как ценностным основанием этих высших духовных переживаний выступают личностные ценности с высокой степенью общезначимости.

Обращение к теории ценностей позволяет нам понять, что вину и стыд испытывают люди, которые в каких-либо отношениях с действительностью могут реализовать не все ценности, входящие в их систему личностных ценностей. Это переживается человеком болезненно.

Система личностных ценностей выступает ценностным основанием деятельности и поведения людей и складывается из ценностей различной степени общезначимости. При построении тех или иных отношений с действительностью, индивид, как правило, не может реализовать все свои ценности. Если ему не удастся реализовать то, что значимо только для него – т.е. ценности с низкой степенью общезначимости, он испытывает просто неудовлетворенность своей жизнью. Другое дело, когда в каких-то отношениях не могут быть реализованы личностные ценности высокой степени общезначимости, т.е. такие которые отражают качества отношений, значимые для больших групп людей и выступающие основанием для достижения понимания и согласия между ними. Общезначимость таких ценностей часто закреплена в культуре либо на сакральном уровне, т.е. они воспринимаются

выражением воли Бога, либо на уровне общественной морали, традиций, выражающих опыт построения людьми оптимальных форм отношений, а также необходимую для воспроизводства человека и общества зависимость людей друг от друга. Если такого рода ценности стали лично значимыми, то индивиды, не имея возможность их реализовать, начинают испытывать вину и стыд перед Богом и перед другими людьми.

Изучение ценностного мира человека, позволило прийти к выводу, что предметные характеристики ценностей исторически изменчивы: изменение условий жизни человека приводит к изменению того, что им воспринимается как значимое. Это значит, что исторически изменчивы и ценностные основания вины и стыда.

В современном обществе личные ценности многих людей формируются под влиянием информации о жизни, получаемой из разных источников, а не в результате проживания этой жизни во всех её формах. Границы предметов потребностей размываются. Человек знает, что он хочет, но плохо знает, что может объективно ограничивать его желания. У большинства современных людей западноевропейской культуры утрачена вера в Бога, и утрачен авторитет других людей, уважение к их опыту. Никто не указ современному человеку. Очень узко, часто чисто утилитарно и ситуативно начинает пониматься значимость для него других людей. Получается, что испытывать вину и стыдиться не перед кем. Центральное место в системе личных ценностей человека начинает занимать он сам. Исчезают вина и стыд перед кем-либо как механизмы внутреннего самоограничения. Может ли человечество выжить без таких механизмов? Могут ли эти механизмы быть заменены внешними ограничениями через право и глобальный внешний контроль? С моей точки зрения именно на эти весьма важные для современного человечества вопросы помогает ответить данное исследование.

Диссертант обнаруживает достаточную компетентность в анализе степени разработанности проблемы исследования, который позволяет понять, почему при исследовании феноменов вины и стыда она обращается к культурам Запада, России и Востока, изучая их философию, мораль и культуру повседневности (с.4-7).

Сформулированные диссертантом проблемы и цель исследования определили логическую последовательность постановки исследовательских задач, об адекватной реализации которых можно судить по содержанию текста диссертационной работы, пунктов научной новизны и положениям, выносимым на защиту.

Для получения результатов, обладающих новизной, диссертант вполне удачно применила широкий спектр методов: компаративистский, исторический и логический; методы индукции и дедукции, моделирования, анализа и синтеза. Методологическая база исследования позволяет сделать вывод о достаточной обоснованности полученных результатов.

В диссертации на основе большого числа источников (212 наименований, из них 4 иностранных) поставлены и аргументированно решены задачи,

связанные с выявлением места и роли вины и стыда в культурах Запада, России и Востока.

В первой главе диссертации представлены результаты исследования вины и стыда в культурах Запада и России.

В параграфе 1.1. делается попытка представить три модели вины и стыда в западной философии: психологическую, спиритуалистическую и антропологическую. В тексте параграфа изложены взгляды отдельных западно-европейских философов на природу вины и стыда, которых диссертант отнесла к той или иной модели, и выделены некоторые обобщенные характеристики этих феноменов. С моей точки зрения, создание моделей вины и стыда требует более подробного отражения того, что характеризует эти явления как целостности. Остается неясным единое основание выделения названных подходов к изучению вины и стыда, в рамках которых происходило формирование соответствующих моделей. Неясно также, почему автор психологическую модель отделяет от антропологической модели.

Содержание параграфа 1.2 дает вполне четкое представление о понимании русскими философами места, роли вины и стыда и их ценностных оснований. Автор акцентирует внимание на том, что в русской религиозной философии вина и стыд рассматриваются как проявление совести, как духовные акты, в основании которых лежит тесно переплетающиеся вера в Бога и общинная мораль русского народа. Народническая революционная интеллигенция сакрализует чувство вины перед народом, для них оно своего рода «сакральное покаяние». В то же время диссертант, не без оснований, обнаруживает во взглядах революционных демократов 19 века (с. 40) признание только социальных истоков вины и стыда. Представителями анархизма предлагаются принципы, следование которым приводит к утрате чувства вины и стыда перед кем бы то ни было. Они требуют «полнейшую свободу личности» (с. 54).

Рассматривая вину и стыд в морали Запада и России в параграфе 1.3. диссертант обращается к этическим философским учениям. Но предметом особенного внимания в этом параграфе становится то, что вызывает у людей чувство вины и стыда – их ценностные основания.

Описание ценностных оснований вины и стыда, характерных для основных этапов развития западноевропейской культуры с античности до наших дней, дает основание и для вывода о том, что культура стыда в Европе превращается в культуру вины, но и для вывода о постепенном исчезновении ценностных оснований и стыда, и вины. К сожалению, внимание диссертанта не останавливается на последней особенности развития западноевропейской культуры, а значит остается без ответа и вопрос: почему носители современной западноевропейской культуры часто считают, что им не перед кем стыдится, и не перед кем виниться. Тем не менее, текст параграфа позволяет понять причину этих явлений.

Согласно содержанию параграфа в древнегреческой культуре основным внутренним регулятором-самоограничителем был стыд, который люди испытывали тогда, когда их поведение не совпадало с общественными устоями. Но, в то же время, возникает философия киников, отрицающая существующие ценностные основания стыда (с. 56). Киники всем своим образом жизни демонстрировали крайне бесстыдное поведение. Об утрате ценностных оснований стыда в Древнем Риме, а значит об утрате значимости для индивидов общественных устоев бытия, пишет Сенека (с. 56).

Характеризуя западно-европейскую культуру средних веков, диссертант показывает как на смену культуры стыда в Западной Европе приходит культура вины, как культура личной ответственности перед Богом. Ценностью становится само проявление вины и стыда, причем и то и другое было связано с проявлением греховности, непослушания Богу. Ценностные основания вины и стыда внедрялись в сознание людей в средневековье через сборники нравоучительной литературы.

В эпоху Возрождения для индивидов становится значимым не исполнение моральных норм или требований религии, а овладение истиной, обретение достоинства, свобода мысли и выбора. Первоначально эти ценностные ориентации не противоречили принципам нравственности, но акцентирование внимание на личных достоинствах и заслугах индивидов отодвигает для них на второй план и общественную мораль, и традиции, и поддерживаемую Церковью религиозную дисциплину.

Возникновение протестантизма, отмечает автор, закрепляет на сакральном уровне значимость индивидуальной стороны бытия людей. Идея «спасения верой» (с. 60) предполагает необходимость признания своей вины перед Богом. Труд, то, что испокон веков объединяло людей и заставляло согласовывать свои желания и возможности, становится лишь свидетельством богоизбранности человека в деле его спасения и средством достижения его личного успеха. Человек провозглашается ответственным только перед Богом и самим собой. Таким образом, общество утрачивает значимость для индивидов. Остается лишь вина перед Богом и постепенно исчезают основания для стыда перед другими людьми (с. 59-60).

Этические учения эпохи Просвещения внесли существенный вклад в изменение ценностных оснований вины и стыда. Впервые понятие «моральное чувство» стало рассматриваться как врожденная способность различения правильного и неправильного, как «естественная совесть» (с. 61). Возникает концепция автономии морали лорда Шафтсбери, который понимает совесть как суд над самим собой. Предпосылкой такого суда в его понимании выступает раздвоенность души человека на лучшее Я, заложенное природой, и своекорыстное Я, связанное с жизнью человека в обществе. Просветители вводят в этику принцип пользы, следуя которому нравственное воспитание человека целиком стало сводиться к обретению им практического житейского опыта, умения достигать успеха (с. 63).

В этике Нового времени предпринимаются попытки обосновать вредность совести, стыда и раскаяния как дурных эффектов. Первенство отдается разуму. Даже И. Кант, реабилитировав мораль, отделив её от нравов, религии и от человеческой природы, дело совести поручает разуму (с. 62-63).

Этические основания вины и стыда, заложенные в эпоху Просвещения, получили свое развитие в современной западноевропейской культуре. В развитом индустриальном обществе утверждается мораль утилитаризма с её новыми ценностными принципами. Польза, счастье, удовольствие, беспристрастное равенство, максимум благ при минимуме рисков, приоритет личного интереса, деньги, богатство, успех уже могут быть ценностными основаниями вины только перед самим собой. Ценностными основаниями вины и стыда становятся только долг и ответственность, но и они, как утверждают исследователи, рассматриваются как то, что необходимо для построения эффективных товаро-денежных отношений капитализма (с. 65), как то, что определяется интересами корпораций и процессами глобализации, сопровождающимися насаждением современных европейских ценностей (с. 66, 67). Сфера должного теперь располагается вовне индивида (с. 67), а это значит, что вина и стыд как внутренние регулятивы-самоограничители поведения человека перестают действовать вовсе. Это положение дел поддерживается и этикой постмодернизма, провозглашающей моральный релятивизм, плюрализм, которые сочетаются с отрицанием общепризнанных моральных представлений о добре, зле, совести и т.п.

Анализируя мораль России, как ценностное основание вины и стыда, Юлиана Николаевна начинает с рассмотрения русского национального самосознания как нравственно-религиозного, формирующегося на основе православия. Страх перед Богом и стыд перед людьми, преодоление греховности, справедливость в делах и мыслях, самоограничение рассматривались как важнейшие нормы православной этики. Русскую культуру также характеризует сохранившийся до настоящего времени приоритет морали над правом.

Большое внимание диссертантом уделяется работам русских философов, критиковавших европейскую мораль как несовместимую с менталитетом русского народа, как способствующую моральному кризису в России в начале 20 века. Описывается противодействие буржуазной морали после 1917 года, которое осуществлялось и через отрицание самого понятия морали и через формирование пролетарской коммунистической морали, которая определялась интересами трудящихся, классовой борьбой, целями построения коммунизма. Тем не менее, Юлиана Николаевна отмечает, что до 90-х годов в советской России в межличностных отношениях сохранялся дух товарищества, взаимопомощи, совестливости, ответственности – всего того, что составляет особенность русского характера (с. 73).

Характеризуя Россия с 90-х годов XX столетия, диссертант пишет о распространении потребительской морали, о внедрении в сознание людей либеральных идей личного интереса и морального релятивизма и прагматизма,

о подчинении большого количества людей корпоративной морали. Этому противостоит, с точки зрения диссертанта, только старшее поколение, как носители патерналистской морали, и верующие, руководствующиеся христианскими ценностями любви к Богу и ближнему (с. 73).

Параграф 1.4. посвящен вине и стыду в культуре повседневности Запада и России. Диссертантом дается развернутое описание смены ценностных оснований вины и стыда в быту, в труде и в развлечениях, в отношениях к детям, старикам, женщинам, инвалидам. На множестве примеров показано, что то, что выступало предметом вины и стыда в одно время, в другое время признавалось нормой поведения; то, что было принято в Европе, далеко не всегда было принято в России.

Показано, что возникновение буржуазного общества в Европе, ориентированного, прежде всего на деньги, приводит к возникновению человека «не знающего вины и раскаяния» (с. 82-83). Мерилом поведения в повседневной жизни стал принцип пользы, выгоды, а не моральные критерии.

Юлиана Николаевна пишет о внедрении после распада СССР в русскую культуру ценностей западно-европейского общества потребления и об утрате многих традиционных для России ценностей, культивированных веками. К сожалению, диссертантом не указано то, что может изменить эту тенденцию.

В выводах по первой главе диссертантом различаются западная и российская культура по признаку доминирования вины или стыда в качестве регулятивов поведения людей; дается обобщенная характеристика западной культуры как культуры вины, российской культуры как культуры вины и стыда. Указываются и разные ценностные основания вины и стыда: ценностным основанием вины на современном этапе развития общества для Запада является право, для России – нравственность; ценностным основанием стыда для запада выступает принцип конформизма, для России – нравственная идентичность с группой.

Диссертантом называются предпосылки формирования морали вины и морали стыда на Западе и в России. Анализ культуры повседневности Запада и России позволил диссертанту выявить ценности сегодняшнего дня, выступающие основанием вины и стыда.

Во второй главе рассматривается вина и стыд в буддийско-конфуцианских культурах Востока. Диссертантом убедительно показано, что в китайской и японской культурах вина отождествлялась со стыдом. На первое место для человека выходит стыд перед другими людьми из-за проступка или преступления, а его вина связывается с самонаказанием за это. Именно поэтому изучаемые восточные культуры диссертант относит к культуре стыда.

В параграфе 2.1. исследуется китайская и японская философия стыда. Представленный текст включает описание воззрений многих китайских и японских философов, которые позволяют получить полное представление о месте и роли стыда в жизни человека и общества Китая и Японии.

Традиционализм, ритуальность, культ власти и подчинение личных интересов государственным, долг перед обществом и перед группой

определяют ценностные основания стыда для этих культур. Текст диссертации включает описание общих и особенных для китайских и японских философов ценностных оснований стыда. Основным механизмом воспроизводства этих ценностных оснований в сознании человека признаются личный нравственный пример правителя, целенаправленное воспитание и образование, основой которых становится образ благородного человека.

Описывая новое неоконфуцианство XIX-XX веков диссертант обращает внимание на то, как китайские философы использовали достижения западно-европейских философов, сохраняя в качестве концептуального ядра отечественную философскую традицию. В результате этого в китайской культуре не произошло существенных изменений ценностных оснований стыда.

Японские философы несколько по другому подошли к освоению западно-европейской философии. Они активно восприняли только ту западную философию, которая была чем-то близка японской философской традиции: философию жизни, прагматизм и экзистенциализм.

Все содержание параграфа является обоснованием того, что в культуре Китая и Японии с времен распространения конфуцианства и буддизма и до настоящих дней принципиально не менялись ценностные основания стыда. В качестве таковых, прежде всего, выступали интересы общества, государства или отдельных социальных групп. Устойчивое воспроизводство ценностных оснований стыда обеспечивается тщательно продуманной системой воспитания и их использованием в качестве эталонов оценивания поведения людей, определяющего их общественный статус. Все это позволяет утверждать, что диссертантом убедительно обоснован вывод о том, что культуры Китая и Японии можно характеризовать как культуры стыда.

Содержание параграфа 2.2 дает представление о моральных основаниях стыда в японском и китайском обществе, которые позволили осуществиться в 40-50 годах японскому экономическому чуду, а в 90-х китайскому. Традиционная мораль и причастность к той или иной группе общества, а не законы, в первую очередь выражают в культурах Китая и Японии сферу должного. Диссертантом убедительно обосновывается, что стыд для китайцев и японцев является основным моральным чувством и основным механизмом социального контроля за поведением индивидов.

В параграфе описывается постепенное изменение норм китайской морали под влиянием философско-этических концепций китайских философов и буддизма от III века до н. э. до настоящих дней. Обращается внимание на то, что в современном Китае стремятся возвысить моральные ценности, сформировавшиеся под влиянием конфуцианства в эпоху средневековья. Эти ценности преподносятся через то, чего надо стыдиться. Так, постыдным считается «нанесение вреда Отечеству», поступки, идущие вразрез с интересами народа» и др. (с. 118).

Историческое изменение моральных норм наблюдается и в истории Японии. Подчеркивается, что моральные основания стыда для японцев строго

соотносятся с теми социальными ролями, которые исполняются индивидами: универсальных мерок не существует, различение добра и зла является относительным (с. 119). Очень важной ценностью для японцев является долг который соблюдается из опасности стыда (неоплачиваемый – перед императором, предками и родителями, и оплачиваемый – перед миром и своим именем (долг чести) (с. 121).

Распространение западной культуры для Японии не привело к существенному изменению моральных норм. Следование таким ведущим принципам конфуцианства и буддизма как преданность и стремление к самосовершенствованию обеспечили эффективность японского экономического развития, не менее чем принципы утилитаристской морали: доминирование личного успеха, пользы и выгоды над общественными интересами.

В параграфе 2.3 через обращение к культуре повседневности Китая и Японии Юлиана Николаевна показала, как принципы и нормы морали, разработанные в философских и этических учениях, проявляются в повседневной жизни китайцев и японцев. Большое количество материала позволяет понять, что именно являлось предметом стыда в семейных отношениях беднейших слоев населения, в обыденной жизни среднего и низшего чиновничества, дворцовой знати, торгового сословия до распространения буддизма, и что стало меняться позже.

Выводы по второй главе и заключение представляют собой обобщение основных результатов исследования.

Представленное диссертационное исследование обладает научной ценностью. Предложенные автором выводы, научные положения подтверждены всем текстом диссертации. В работе учтены положения основных исследований по проблеме вина и стыда в европейской, японской и китайской культурах, содержатся рекомендации по использованию научных выводов. Тем не менее, оно не лишено недостатков и нуждается в некоторых уточнениях.

1. В работе не описано общее основание дифференциации способов понимания вины и стыда в западной философии, выраженных в психологической, спиритуалистической и антропологической моделях.

2. В описании результатов исследования используются такие категории как «культура вины», «культура стыда», «мораль вины», «мораль стыда» (с. 90), но в диссертации не дается определения содержания этих понятий.

3. Из текста диссертации я не смогла понять, почему только в русской философии вина и стыд «онтологизируются». Почему связь вины и стыда с сущностью и существованием человека, устанавливаемая в западноевропейской философии, не выражает онтологическое основание этих феноменов?

4. В диссертации недостает обобщения точек зрения и того массива фактов, которые описываются диссертантом. Выводы автора помещены только в конце глав. Можно согласиться, что в тексте есть то, что подтверждает эти

выводы, но хотелось бы более тесной связи между умозаключениями автора и текстом диссертации: не хватает рассуждений автора, которые бы подводили к умозаключению.

Тем не менее, выявленные недостатки не снижают общей положительной оценки представленной к защите научно-квалификационной работы.

В диссертации Ю.Н. Даниловой содержится решение актуальной проблемы, имеющей значение для развития философской антропологии и философии культуры. Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством и содержит новые научные результаты и положения.

Автореферат диссертации соответствует структуре и содержанию диссертационной работы. Публикации диссертанта отражают содержание диссертации и её основные научные результаты. Количество публикаций соответствует требованиям, предъявляемым к диссертационным работам, представленным к защите на соискание ученой степени кандидата наук.

Представленная к защите диссертация Юлианы Николаевны Даниловой является научно-квалификационной работой, которая соответствует критериям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней», утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», а её автор Данилова Юлиана Николаевна заслуживает присуждения ей искомой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
факультета Евразии и Востока
ФГБОУ ВО «Челябинский
государственный университет»

Худякова
Наталья Леонидовна

08.06.2016

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»
454081, г. Челябинск, пр. Победы, д. 162-в, ЧелГУ, кафедра философии.
Тел. 8 (351) 799-72-75.
E-mail: hudyakovanl@gmail.com